

Глава 1

Карина

— Карина Владимировна, судя по многочисленным отзывам в Интернете, многие посчитали ваш роман «Вечное» антироссийским и формирующим ложные ценности. Как вы к этому относитесь? — очередной журналист-хайпожор поднимается с места, озвучивая раздражающий своей банальностью вопрос.

— Меня мало интересует мнение овощеподобной массы, — холодно отзываюсь я, стараясь не реагировать на очевидную провокацию. — Следующий вопрос?

— Разве можно называть людей «овощами» только потому, что их убеждения не совпадают с вашими? — журналюга и не думает сдаваться.

— Несовпадение взглядов здесь ни при чем, — злобно усмехаюсь я. — Просто у некоторых индивидов напрочь отсутствует критическое мышление, и они проглатывают все, что заливают им в уши средства массовой информации. А когда человек не думает своей головой, он мало чем отличается от овоща.

— То есть вы не согласны, что ваш роман подрывает основы патриотизма? — допытывается он, довольный тем, что я заговорила.

— Если «Вечное» и подрывает какие-то основы, то только основы тоталитаризма, который процветает в нашей стране, прикрывая свое уродливое лицо этим

самым патриотизмом, — чувствуя, что завожусь, отвечаю я. — Антироссийская пропаганда и космополитизм — это не одно и то же.

Коротко кивнув, журналист садится, и к атаке переходит следующая акула пера с ярко-вишневыми губами.

— Главная героиня в романе заканчивает жизнь самоубийством, застрелив сначала своего сына, а затем и себя, — жеманно растягивая слова, говорит она. — Является ли это некой отсылкой в смерти вашего собственного ребенка?

— Нет. Это художественный вымысел, а не автобиография, — с трудом выдавливаю я, чувствуя, как предательски садится голос. — Давайте закончим на этом.

Бросаю короткий взгляд на своего менеджера, полыхающего всеми оттенками красного, и резко поднимаюсь на ноги, со скрипом отодвигая стул позади себя.

Пресс-конференция не задалась с самого начала. Это глупо отрицать. Как бы я ни пыталась вывести ее в более интеллектуальное русло, газетным писакам интересны лишь две вещи: обсуждение политических дразг и копание в грязном белье. Собственно, этим они и занимались весь прошлый час. Как же надоел этот дешевый цирк!

«Карина Владимировна, а рассуждали бы вы так смело, если б не имели второго гражданства?» «Почему вы не пошли на митинг в поддержку Панькова, хоть и позиционировали себя его сторонницей?» — бестактные вопросы, словно дротики с отравленными наконечниками, впиваются мне в спину.

Суки. Бесчувственные суки. Ничего святого для них нет. Мать родную продадут ради рейтинговой статьи!

С силой сжимаю кулаки, и ногти больно впиваются в кожу ладоней. Но это даже хорошо, что больно. Боль отрезвляет. По существу, она является единственной субстанцией в этом пропитанном лицемерием мире, способной вправить человеку мозги. А мне сейчас это

Никто не узнает

крайне необходимо. Я и так наговорила слишком много лишнего.

Пулей вылетаю в фойе и, громко цокая каблуками по мраморному полу, устремляюсь к лифтам. Пара десятков метров, несколько этажей — и я наконец окажусь в долгожданном безмолвии пустого номера. Как и все творческие люди, я махровый интроверт, и стремление к одиночеству для меня — норма. Но сегодня я прямо-таки превосхожу саму себя: мое желание избавиться от посторонних превращается в настоящее наваждение.

Господи, побыстрее бы!

— Карина Владимировна, подождите, — позади раздается запыхавшийся голос Алины, моей ассистентки. — Куда ж вы так убежали? У нас ведь обязательства...

— Давай завтра, — притормаживая, вздыхаю я. — Все завтра, Алин. Я урегулирую, позвоню, кому нужно, извинюсь.

Устало потирая виски, вскидываю взгляд на молодое румяное лицо девушки, в котором читаются отблески сочувствия. Возможно, даже искреннего. Алина — одна из немногих, кто, работая в медийной сфере, умудрился сохранить в себе человеческое начало.

— Как вы? — тихо и очень мягко спрашивает она, и я понимаю, что речь идет не о провальной пресс-конференции, а о моем внутреннем состоянии.

— Не очень, — честно признаюсь я. — Но завтра, надеюсь, будет лучше. Просто мне нужно немного побыть одной.

— Хорошо, — понимающе кивает она. — Я сделаю объявление, что вам внезапно стало плохо и именно поэтому вы так спешно покинули зал. К проблемам со здоровьем общественность относится более лояльно, чем к личным.

— Спасибо, Алин, — выдавливаю из себя благодарную улыбку. — Я пойду.

Попрощавшись с ассистенткой, прохожу несколько метров и, остановившись у колонны, задумчиво приваливаюсь к ней плечом. Несмотря на явное нежелание с кем-либо разговаривать, я все равно чувствую потребность в поддержке. В небольшом участии и душевном тепле, которые могут подарить только близкие.

Проблема в том, что по-настоящему близких людей у меня нет. Ну, то есть формально ими, наверное, являются мама и муж, но в последнее время пропасть между нами можно мерить аршинами — так сильно и беспросветно углубилось недопонимание.

И если в нашем с Олегом браке осталось хоть немного теплоты, которую мы отчаянно пытаемся сохранить, то отношения с матерью можно охарактеризовать одним единственным словом — плохо. Настолько плохо, что, даже находясь под дулом пистолета, я бы не позвонила ей, чтобы излить душу. Слишком много иголок в прошлом она в меня воткнула.

Немного подумав, я все же принимаю решение набрать мужа. Как-никак он сам просил отзвониться после конференции и рассказать о том, как все прошло.

Несколько секунд слушаю протяжные гудки, а затем из динамика доносится голос Олега. Приятный, но слегка высоковатый для мужского. Помню, из-за голоса в день нашего знакомства я даже подумала, что он гей. А потом, через пару недель, в спальне убедилась в обратном.

— Да, дорогая, привет! Как все прошло? — сразу переходит к важному он.

— Привет, довольно паршиво, — невесело усмехаюсь я. — Набросились на меня, как стая голодных гиен. Каждый норовил укусить побольнее.

— А до чего в основном докапывались? — интересуется муж.

— Цитировали статью Лозового, где мой роман называется «бездушным продуктом западной поп-куль-

Никто не узнает

туры», упрекали в идеологической диверсии, радикальном феминизме и прочих смертных грехах, — с иронией в голосе сообщаю я.

— Хреново, — после небольшой паузы отзывается он.

— Да не то слово, — мрачно подтверждаю я. — Ублюдки хотели испить мою кровушку, всю до последней капли. Но я не дала им этого сделать.

— В смысле?

— Просто встала и ушла.

— Взяла и без объяснения причин прервала конференцию? — голос мужа подсказывает на несколько октав.

— Ну да.

В трубке раздается тяжелый вздох, а затем Олег продолжает:

— А ты не думаешь, что погорячилась, Карин? Ведь от общественной огласки зависит успех твоей книги.

— Да плевать на этот успех! Пошли они все к черту! — в сердцах восклицаю я. — Что эти недалекие писаки понимают в настоящей литературе? Их взгляд зашорен, а рынок переполнен низкосортными бульварными романами, которые они восхваляют! Когда вокруг одни штампы, истинное искусство воспринимается в штыки.

— Ты безусловно права, но, — муж запинается, — тебе не кажется, что «Вечное» и впрямь немного сыроват и чересчур претенциозен? Возможно, ты где-то недожала, недоработала...

Поверить не могу. Просто не могу поверить, что он это говорит. Последние два года я пашу как лошадь, посвящая работе всю себя без остатка. Когда меня уже перестанет преследовать это унижительная приставка «недо»?

— Роман хорош, — цежу сквозь зубы, изо всех сил сдерживая ярость. — И ты бы в этом не сомневался,

если бы сформировал мнение сам, а не руководствовался рецензиями тупорылых критиков!

— Карин, не заводишь, — дает заднюю он. — Ты же знаешь, я занятой человек. Вот будет отпуск, обязательно прочту все твои книжки.

Отпуска у Олега не было уже несколько лет. Так что вряд ли в ближайшем обозримом будущем ему представится возможность познакомиться с моим творчеством.

— У меня лифт приехал, сейчас связь пропадет, — лгу я, стремясь поскорее завершить разговор, который с каждой новой секундой тяготит меня все больше.

— Понял. Спокойной ночи, дорогая, — с готовностью прощается муж, и я сбрасываю вызов.

Внутри все клоочет и бурлит от возмущения. Рассчитывала получить поддержку, а в итоге напоролась на новую порцию критики. Честно? Меня от нее уже тошнит. Понимаю, что профессия писателя обязывает воспринимать чужое мнение со спокойствием удава и невозмутимостью черепахи, но, черт подери, это все легко только в теории! А на деле очень неприятно, когда кто-то тыкает в твоё творение палкой, измазанной в дерьме.

С излишней экспрессией нажимаю кнопку вызова лифта, будто это она виновата в том, что моя жизнь — сплошная черная полоса. Наверное, будь я мужиком, отправилась бы в бар отеля и нажралась бы там до пороссячьего визга. А потом вышла бы на улицу, докопалась до первого встречного и спустила бы пар в пьяной уличной драке.

Но женщины, к сожалению, лишены подобных привилегий. Если у тебя есть яйца, то девиантное поведение воспринимается обществом как вариант нормы. Если же нет — ты просто чокнутая истеричка, по которой плачет психушка. Знаю-знаю, несправедливо, но давайте не будем забывать, что и в наше время чертов патриархат не сдал своих позиций.

Никто не узнает

Когда двери лифта наконец распахиваются, мое внутреннее раздражение колеблется где-то в районе максимума. Еще чуть-чуть — и взорвусь. И пускай пьяный дебош в баре отеля мне не светит, но бутылочку вина в номере я непременно разопью. А то у меня глаз уже дергаться начинает.

Делаю уверенный шаг, заходя в кабину, и буквально напарываюсь на несуразное нечто. Бритый череп, россыпь аляпистых татуировок на руках и наглый пристальный взгляд — передо мной стоит самодовольный юнец лет эдак двадцати и беспардонно меня рассматривает. Прямо-таки ощупывает глазами, будто слово «манеры» для него пустой звук. В приличном обществе на незнакомых людей так не пялятся.

Иллюзий насчет того, что он знает, кто я такая, не строю. Малец явно не представитель той целевой аудитории, для которой я пишу. Да и вообще молодежь нынче мало читает. А такие, как он, наверное, за всю жизнь осилили не больше десяти книг. И то половина из них — комиксы.

Прохожу внутрь мимо его внушительной фигуры, и в ноздри тотчас забивается запах табака и ментола — верных спутников веселой юности. Помнится, когда мне было двадцать, я тоже курила сигареты и зажевывала их жвачкой. Эх, беззаботное было время.

— Мне на четырнадцатый, — сухо говорю я, протискиваясь вглубь лифта.

Парень оборачивается, и его ярко-синие глаза впиваются в мое лицо.

— Ты прям подо мной, — усмехается он, нажимая кнопку нужного мне этажа.

Голос у него низкий, обволакивающий, с легкой хрипотцой, за которую, наверное, нужно благодарить сигареты.

— Что, простите? — решив, что ослышалась, переспрашиваю я.

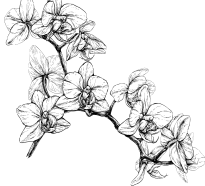
Матьяна Никандрова

— Я на пятнадцатом живу, — поясняет он, засовывая руки в карманы широких джинсов. — Вот и получается, что ты подо мной, сечешь?

От этого его «сечешь» мои уши сворачиваются в трубочку, клянусь. Но это я готова перетерпеть. Так же, как и то, что сосунок обращается ко мне на «ты», хоть я и старше его лет на десять. Но вот что меня капитально выводит из себя — так это его недвусмысленные намеки на постель, которые он так самонадеянно кидает. Терпеть не могу таких зарвавшихся наглецов.

Глава 2

Богдан

— Ты меня со своими текущими одноклассниками перепутал, что ли? Че за хрень несешь? — брезгливо сморщив аккуратный носик, выдает незнакомка.

О, обожаю, когда у телок не только офигенные сиськи, но и острый язычок. Пока эта брюнеточка по всем параметрам топ. Осанка, как у царицы, ноги от ушей, губы — просто фантастика. Пухлые, сочные — я б прям засосал. Не знаю, свои такие или, может, колет чего... Хотя мне, по большому счету, без разницы. Ничего против косметологии не имею. Люблю ухоженных баб.

— Я уже давно не школьник. И даже не студент, — обворожительно улыбаюсь. — Хотя одноклассницы в свое время по мне и правда текли.

— И даже не студент? — ехидно повторяет она. — Отчислили?

Хочет подколоть, но, как ни странно, попадает в цель. Отчислили. Сразу после первого курса. Но ей об этом знать необязательно.

— Ну, скажем так, я предпочитаю учиться не по методичкам, а на собственном опыте, — уклончиво отвечаю я, внимательно вглядываясь в ее надменное лицо.

Все-таки нереально красивая баба! Впервые за много лет меня так сильно торкает просто от присутствия женщины рядом. А она ведь даже не голая!

Должно быть, дело в том, что брюнетка совершенно точно не относится к числу моих фанаток. Да и вообще, походу, понятия не имеет, кто я такой. А меня это чертовски заводит! Если честно, все эти писки, визги и глаза на мокром месте от восторга мне уже поднадоели... Я забыл, что значит добиваться женского расположения. Забыл, каково это испытывать трепетное волнение в груди.

А вот ее холодная чопорность и неприступность меня будоражат. Есть в этом свой необъяснимый магнетизм... Что-то такое, от чего во мне просыпается инстинкт охотника. Такую женщину хочется покорять. И обладать ей тоже очень хочется.

Ничего не ответив, незнакомка с отсутствующим видом уставляется в стену, а я продолжаю пожирать ее голодными глазами. Чувствую, как рядом с ней кровь превращается в лаву, а внутри все начинает кипеть и вибрировать.

— Слушай, не знаю, что я должен сказать, чтобы тебе понравиться, — делаю крошечный шаг, приближаясь к ней. — Поэтому давай представим, что все уже сказано, и перейдем к более интересным темам. Желательно в моем номере.

Брови незнакомки стремительно ползут вверх, а лицо приобретает насмешливое выражение:

— Ты серьезно? — она окидывает меня презрительным взглядом, будто я кусок говна на палочке. — Со мной, малыш, тебе явно не по пути, так что лучше иди и поупражняйся в искусстве флирта на ровесницах.

Открываю рот, чтобы ответить ей чем-то дерзким и провокационным, однако в эту самую секунду лифт резко останавливается, а свет в кабине гаснет. Оказавшись в кромешной тьме, мы какое-то время потрясенно молчим, а потом тишину пререзает голос незнакомки, пропитанный нотками паники:

Никто не узнает

— Что происходит?

— Застряли, — включаю фонарик на телефоне и, подсветив им панель управления, принимаюсь безуспешно тыкать в кнопку вызова диспетчера. — Электричество, похоже, вырубилось.

Девушка начинает глухо материться, а мне отчего-то делается очень смешно. Незадолго до случившегося я думал о том, как было бы круто сблизиться со строптивой брюнеткой, и эти мысли, очевидно, залетели прямо богу в уши. Ведь теперь у меня есть прекрасный шанс залезть ей в голову, а дальше, возможно, и под юбку. Я, она, замкнутое пространство и блаженная темнота вокруг — то, что нужно для осуществления моего коварного плана.

— И что нам теперь делать? — вопрошает незнакомка.

— Надо ждать, пока свет включится, — отзываюсь я, стараясь звучать как можно спокойнее, а то она, походу, нехило так нервничает. — Аварийку пока не вызывать.

— Но ведь можно позвонить им по телефону! — не унимается она.

Блин, че ж такая сообразительная?

— Ну, попробуй, — жму плечами я, вглядываясь в экран мобильного. — У меня вообще связь не ловит.

— У меня есть пара шкал, — отзывается девушка, вытащив из сумки Айфон. — Какой номер?

— Хрен знает. Может, в службу спасения звякнуть? — предлагаю я.

— Да-да, верно, — соглашается она, тыкая идеально наманикюренным пальцем в экран, а затем подносит телефон к уху.

Слегка убавляю яркость своего фонарика, чтобы резкий свет не бил в глаза, и кладу мобильник на поручни так, чтобы он лишь немного освещал потонувшее во мраке пространство кабины.

— Черт, ни фи́га не ловит, — недовольно шипит брюнетка. — Сбрасывается, и все.

— Ладно, расслабься, — советую я. — Наверняка свет скоро дадут, и поедем дальше.

— Расслабься?! — взвизывает она. — Это у тебя есть возможность просидеть лишний час в этом гребаном лифте, а у меня график по минутам расписан!

— А почему ты на меня-то гонишь? — хмурюсь я. — Это ж не я электричество вырубил.

Незнакомка нервно цокает, вновь и вновь пытаюсь дозвониться до службы спасения, но, судя по ее плотно поджатым губам и сомкнутым на переносице бровям, вызов по-прежнему не проходит.

— А че ты так завелась-то? — улыбаюсь я, стараюсь разрядить напряженную обстановку. — Время девятый час, какие у тебя щас планы были? Прийти в номер и завалиться спать?

— Мои планы тебя не касаются! — огрызается она.

Ох, колючая. Но от этого еще сильнее хочется!

— Как тебя зовут? — интересуюсь я, приваливаясь спиной к стене лифта.

— А тебе какое дело? — все так же злобно шипит эта прекрасная гадюка.

— Я просто сегодня кино для взрослых посмотреть собирался, поэтому хотелось бы знать, какое имя выкрикивать в конце, — решив пойти ва-банк, заявляю я.

Ну а что? По-хорошему эту стерву явно не растормошить. Она из тех, кто терпеть не может невнятные подкаты, ванильные излияния и слабых мужиков. Я это с первого взгляда понял. С такими бабами либо жестко, либо никак.

— Ты охренел? — ее взгляд все-таки отрывается от мобильника и обращается ко мне.

— Охренел, — невозмутимо подтверждаю я. — Хорош корчить из себя Снежную Королеву, давай нор-

Никто не узнает

мально пообщаемся? Я не кусаюсь, правда. Ну, если этого, конечно, не требуется.

— Нам с тобой не о чем общаться, мальчик, — делая акцент на пренебрежительном «мальчик», отвечает она. — Твои вялые попытки залезть в трусы взрослой тете крайне неубедительны. Поэтому давай ты прикусишь свой непомерно длинный язык и обеспечишь меня столь долгожданной тишиной.

— Во-первых, я не мальчик, а Богдан. Запомни мое имя, ты будешь кричать его позже, — надвигаясь на нее всем телом, цежу я. — Во-вторых, дело не в возрасте. Просто ты крепко вжилась в роль конченной суки и отчаянно цепляешься за нее, как за спасательный круг. Я не знаю, в чем причина твоей стервозности... Возможно, проблемы на работе, а, возможно, ты просто давно не трахалась. В любом случае, если хочешь об этом поговорить — я готов выслушать. Если нет, то прекращай дерзить и врубай хорошую девочку.

— А то что? — с вызовом спрашивает она, и ее яблочное дыхание касается моей щеки. — Трахнешь меня против воли?

— Против воли я тебя трахать не буду, — твердо произношу я и, не удержавшись, провожу носом по ее лбу. — Но мы с тобой обязательно переспим. Это я гарантирую.

Сейчас я стою к ней так близко, что явственно чувствую обжигающее тепло ее кожи. Вижу, как бьется тонкая жилка на ее шее, и ощущаю, как высоко вздымается пышная грудь. Она охрененно красивая. Самая красивая женщина, которую я встречал. Дикая, непокорная и невыносимо желанная.

От ее пьянящего жасминового запаха в штанах мгновенно пробуждается жизнь, и я как никогда близок к тому, чтобы потерять контроль над своими рвущимися наружу инстинктами. Правильные мысли тонут в нахлынувших волнах возбуждения, и мне

